

Обратный отчет

Дарья Боровкова
Обратный отчет

«Автор»

2026

Боровкова Д.

Обратный отчет / Д. Боровкова — «Автор», 2026

Выжившая в автокатастрофе сирота, которую приютили жестокие родственники ради выгоды, сбегает в город и влюбляется во владельца корпорации, но её прошлое настигает их: алчная семья требует огромный выкуп за девушку, угрожая разрушить их брак и силой выдать её замуж за другого.

© Боровкова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Солнечный день	5
Глава 2. Визг тормазов	7
Глава 3. Холодный прием	8
Глава 4. Тюрьма под названием дом	9
Глава 5. Планирование	10
Глава 6. Финальная стычка	11
Глава 7. Побег	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Обратный отчет

Глава 1. Солнечный день

Мир шестилетней Линь Инь пах ванилью, свежей выпечкой и немного — машинным маслом. Запах масла исходил от папы, когда он возвращался вечером с завода. Он поднимал её высоко-высоко, выше собственной головы, и называл своей маленькой принцессой. От него веяло усталостью, металлом и теплом одновременно. Этот запах означал безопасность. Домой. А дом... Дом был волшебным местом. Квартира на третьем этаже старой панельной пятиэтажки была их маленьким королевством. Мама, учительница музыки, наполняла эти стены звуками. Даже когда рояль стоял закрытым, в воздухе витали невидимые ноты. По утрам, готовя завтрак, мама тихонько напевала арии из опер, и Линь Инь казалось, что солнечные лучи танцуют вместе с её голосом. Это утро ничем не отличалось от сотен других таких же идеальных дней. Воскресенье. Папа сидел за кухонным столом, сосредоточенно изучая чертежи, разложенные рядом с тарелкой дымящейся рисовой каши. Мама порхала между плитой и раковиной, её голос звенел колокольчиком: > — ...И тут принц увидел её! Представляешь, дочь? Её глаза сияли ярче звёзд! Линь Инь сидела на своем высоком стульчике, болтая ногами и размазывая джем по тосту. Она верила каждому слову мамы. Мир был добрым и справедливым, как в сказках. Принцы находили своих принцесс, злодеи получали по заслугам, а солнце вставало каждое утро только ради того, чтобы согреть именно их семью. — Сегодня мы поедем на пикник, — объявил папа, отрываясь от чертежей. Он улыбнулся, и морщинки в уголках его глаз стали глубже. — Помнишь то озеро за городом? Мы возьмем корзинку, которую плели всю зиму, и будем кормить уток. Сердце девочки подпрыгнуло от восторга. Пикник! Озеро! Утки! Это обещание затмило собой всё остальное. День обещал быть самым лучшим днём в истории вселенной. Они вышли из дома втроем, держась за руки. Солнце било прямо в глаза, заставляя жмуриться, но это было приятное, ласковое тепло. Папа нес тяжелую плетеную корзину, мама — большой термос с чаем и любимое клетчатое одеяло Линь Инь. Девочка семенила между ними, стараясь идти ровно, чтобы соответствовать торжественности момента. Город казался огромным и дружелюбным. Гудящие машины были похожи на больших металлических зверей, которые спешат по своим важным делам, но никому не причиняют вреда. Люди на улице улыбались. Старушка-соседка помахала им рукой с балкона. Жизнь текла размеренно и правильно. Дорога к озеру занимала почти час на автобусе. Линь Инь прижалась носом к стеклу, наблюдая, как городской пейзаж сменяется полями, а затем редким лесом. Когда они наконец сошли на пыльной обочине, девочка вдохнула полной грудью. Воздух здесь был другим — густым, влажным, пахнущим речной тиной и прелыми листьями. Это был запах настоящей свободы. Озеро блестело на солнце, как огромное зеркало. Вода была неподвижна, лишь иногда расходились круги там, где рыба хватала упавших насекомых. Они расстелили одеяло на траве, мягкой и теплой. Мама достала из корзины домашние пирожки с капустой — румяные, горячие, такие вкусные, что пальчики оближешь. Папа открыл термос, и аромат жасминового чая смешался с запахом нагретой земли. Линь Инь бегала вдоль кромки воды, собирая плоские камешки. Она училась пускать «блинчики», как показывал папа. Камень прыгал по воде один раз, два... пять! Восторженный визг эхом разносился над водой. Мама смеялась, прикрывая рот ладошкой, а папа смотрел на них обоих с такой нежностью, что у девочки сжималось сердечко от переполнявшего её счастья. В тот момент она знала наверняка, абсолютно точно, что так будет всегда. Что эта любовь, это тепло, этот солнечный свет вокруг них троих — нерушимы. Что никакая сила во вселенной не сможет разорвать их объятия. Она подбежала к родителям, плюхнулась на одеяло между ними и крепко-крепко обхватила их руками за шеи, притянув к себе. — Люблю вас, — прошептала она, зажмурившись от солнца и счастья. — И мы тебя, наше

сокровище, — ответили родители хором, и их голоса сплелись в самую прекрасную музыку на свете. Маленькая Линь Инь лежала на спине, глядя в бездонное голубое небо. Высоко-высоко парил ястреб. Ей казалось, что она тоже может взлететь, стоит только захотеть. Весь мир принадлежал ей. Вся вечность была впереди. И в этой вечности не было места ни боли, ни слезам, ни горю. Она была счастлива. Она была в безопасности. Она ошибалась.

Глава 2. Визг тормозов

Мир перевернулся в одно мгновение, разорвав идиллию на тысячу острых осколков. Это был даже не визг тормозов, а какой-то невозможный, скрежещущий стон металла, словно само небо рвалось на части. Линь Инь застыла с камешком в руке у кромки воды, глядя на то, как из-за поворота вылетает огромный грузовик. Он казался нереальным, гигантской игрушкой, потерявшей управление. Два слепящих белых солнца — фары дальнего света — устремились прямо на их маленький мирок на обочине. Папа среагировал первым. Он вскочил так резко, что опрокинул термос; тот покатился. «Ложись!» — крикнул он маме, но его голос утонул в нарастающем грохоте двигателя. Мама обернулась к дочери. Её глаза расширились от ужаса, но движения были плавными, замедленными, будто она двигалась под водой. Удар пришелся в водительскую сторону их машины. Не было громкого хлопка, как в кино. Был глухой, влажный *чвак*, от которого желудок Линь Инь сжался в ледяной комок. Машину швырнуло вперед, словно картонную коробку. Раздался звон бритвенно-острого стекла, и этот звук повис в воздухе, смешиваясь с запахом жженой резины и бензина. Тишина наступила внезапно, оглушительная после адского шума. Девочка стояла, парализованная шоком. В ноздри бил густой, металлический запах крови, который перебивал сладкий аромат маминых духов. — Мама? Папа? Её собственный голос звучал тонко и испуганно, совсем чужой. Она дернула ручку задней двери. Та поддавалась с трудом. Запах бензина стал невыносимым. Одна капля упала ей на руку, горячая и маслянистая. Мама лежала, откинувшись на сиденье. Глаза закрыты. Из уголка рта стекала тонкая струйка крови, пачкая воротник её любимой блузки. Но страшнее всего был отец. Его тело было неестественно вывернуто, голова безвольно свисала набок. А на руле... Линь Инь смотрела на свои руки. Они были в чём-то липком и красном. Тёплом. Она медленно подняла взгляд от своих ладоней на отца, потом снова на руки. Кровь. Это была кровь. Она должна заплакать. Должна закричать. Но внутри была лишь звенящая пустота и холод. Шок заблокировал эмоции, оставив только детское, отчаянное любопытство: почему они не отвечают? Почему мама не поёт свою песенку, а папа не называет её принцессой? Мир рухнул, а она просто стояла и смотрела на алые пятна на своей коже, которые расплывались всё шире, словно пытаясь поглотить весь оставшийся свет этого дня. Сирены завывали где-то далеко, но приближались с каждой секундой, спеша забрать то, что осталось от её счастья.

Глава 3. Холодный прием

Больница пахла стерильностью и отчаянием. Этот запах въедался в одежду, волосы, кожу. Линь Инь провела здесь месяц, но так и не привыкла к нему. Он был полной противоположностью тому аромату ванили и выпечки, который она помнила из прошлой жизни. Врачи называли её состояние «психогенной немотой». Она слышала их, понимала каждое слово, но голосовые связки отказывались подчиняться. Горло сжимал спазм каждый раз, когда она пыталась что-то сказать. Вместо слов из груди вырывался лишь сдавленный хрип или беззвучный выдох. Мир для неё стал немой кинолентой с выключенным звуком. Единственным ярким пятном в этой серой палате была боль. Физическая. Тупая, ноющая боль в ключице, где осколок металла оставил свой след — уродливый розовый шрам, похожий на застывшего червяка под кожей. Медсестры мазали его какой-то вонючей мазью, а Линь Инь смотрела в потолок и думала о том, как было бы хорошо, если бы эта боль могла заглушить другую, ту, что жгла изнутри при мысли о родителях. Выписка произошла буднично. Просто однажды утром в палату вошли дядя Чэнь и его жена, тетя Мэй. Они принесли с собой запах улицы — выхлопных газов и дешевой еды, который тут же перебил больничный дух. Дядя Чэнь молча подписал бумаги у стойки регистратуры, даже не взглянув на племянницу. Тетя Мэй брезгливо осмотрела палату, словно боясь подцепить заразу от больничных стен. — Ну что, готова? — сухо спросила она, окинув девочку оценивающим взглядом. Её глаза остановились на воротнике больничной рубашки. — Что это? Линь Инь инстинктивно прикрыла шею ладонью. Тетя Мэй бесцеремонно отвела её руку. Тонкие губы женщины искривились в гримасе отвращения. — Отвратительно. Розовая гадость. Придется носить блузки с глухим воротником или шарфы. В моем доме я не потерплю уродства. Дом дяди оказался тесным, темным и душным. Здесь пахло вареной капустой и хлоркой. Никакого аромата музыки или свежей выпечки. Квартира состояла из двух комнат. В меньшей поселили Линь Инь, поставив туда старую раскладушку. Из окна виднелся не парк с озером, а серый бетонный забор завода. Вечером состоялся ужин. Это стало её первым уроком новой реальности. На столе стояла большая кастрюля густого супа. Дядя наложил полную тарелку себе и сыну, Линь Миню. Тот, ровесник Линь Инь, плотный и угрюмый мальчик, сразу уткнулся в еду, игнорируя присутствие кухни. Затем дядя положил порцию жене. Когда очередь дошла до Линь Инь, тетя Мэй взяла самую маленькую тарелку и плюхнула туда одну ложку мутного бульона. Поверх плавала одинокая рыбья голова с остекленевшим глазом. — Ешь, — приказала она. — Ты теперь иждивенка. Мы тратим на тебя деньги, кормим тебя. Будешь есть то, что дают. Линь Инь смотрела на эту голову. Глаз рыбы смотрел прямо на неё, мертвый и обвиняющий. Руки задрожали. Комок в горле, мешавший ей говорить всё это время, вдруг начал расти, превращаясь во что-то огромное, горячее. Ей хотелось крикнуть: «Я не просила! Я не хотела быть здесь! Верните мне моих маму и папу!» Но изо рта вырвалось только тихое мычание. Слезы наконец прорвались сквозь плотину шока и потекли по щекам. Одна капля упала в суп, вызвав легкую рябь на поверхности бульона. — Плачешь? — холодно усмехнулась тетя Мэй. — Ничего, поплачь. Слезами горю не поможешь. А будешь реветь — останешься без ужина вовсе. Дядя Фу поднял взгляд от своей тарелки. В его глазах не было ни сочувствия, ни жалости. Только холодное равнодушие и легкая тень раздражения. — Заканчивай, Мэй. Пусть ест и идет спать. Завтра ей в новую школу. Нам еще нужно оформить документы об опеке. Линь Инь взяла ложку дрожащими пальцами. Рыбья голова качалась в бульоне, словно насмехаясь над ней. Она поднесла ложку ко рту. Съесть этот символ своего унижения. Проглотить свою гордость вместе с безвкусной рыбой. Это был первый шаг в её новой, лишенной солнца жизни. Шаг в темноту, откуда, казалось, нет выхода.

Глава 4. Тюрьма под названием дом

Жизнь Линь Инь превратилась в бесконечный, монотонный цикл, похожий на работу сломанного механизма. Каждое утро начиналось одинаково: без пятнадцати пять. Не от звонка будильника — его у неё не было, — а от резкого хлопка двери в комнату дяди и тётки. — Вставай! — доносился из-за стены голос тётки Мэй, хриплый со сна и полный раздражения. — Завтрак сам себя не приготовит! Линь Инь сползала с раскладушки, тело ныло от неудобного положения. Пол был ледяным. Она быстро натягивала выцветшее платье, которое стало ей велико после больницы, и на цыпочках выходила в коридор. Кухня была крошечной, заставленной старой мебелью. Первым делом нужно было растопить печь или включить конфорку — в зависимости от сезона. Запах газа или дыма стал таким же привычным, как когда-то аромат маминых пирогов. Она ставила на плиту огромную кастрюлю с водой для риса. Пока вода закипала, она чистила овощи для супа, стараясь делать это бесшумно. Любой звук — стук ножа по доске, скрип половицы — мог разбудить кузена Линь Мина, и тогда день обещал быть ещё хуже. Но сегодня удача отвернулась от неё. Когда рис уже варился, а запах жареного лука начал заполнять кухню, за спиной раздалось недовольное ворчание: — Ты что творишь? Дышать нечем! Линь Мин стоял в дверном проёме, почесывая живот через майку. Он был старше её всего на полгода, но казался гигантом. Его сытость и наглость делали его огромным. — Я есть хочу, — буркнул он, проходя к холодильнику. — Подожди, — прошептала Линь Инь, пытаясь помешать рис так, чтобы ложка не звякнула о край кастрюли. — Сейчас будет готово. — Мне плевать. Дай мне молока. Это был приказ. Она знала, что спорить бесполезно. Если она откажет, он просто опрокинет кастрюлю или плюнет в тарелку. Молча взяв стакан, она подошла к холодильнику. Тётя Мэй сэкономила на всём. Холодильник был полупустым: пара яиц, пакет молока, какие-то маринады. — Быстрее, сонная тетеря! — Линь Мин толкнул её плечом, протискиваясь ближе. От него пахло потом и детским кремом. Он вырвал у неё молоко, выпил залпом прямо из пакета и швырнул пустую упаковку в раковину, рядом с горой немытой посуды, которую предстояло перемыть Линь Инь вручную. — Гадость какая, — скривился он, глядя на её порцию завтрака (та самая рыба голова стала ежедневным ритуалом). — Как ты это жрешь? — Это моя еда, — беззвучно шевельнула губами девочка. — Была твоя, — ухмыльнулся он, схватил её тарелку и вывалил содержимое в мусорное ведро. — Теперь будешь готовить мне яичницу. С колбасой. У тебя десять минут, пока я умываюсь. Школа стала единственным местом, где можно было дышать. Там никто не называл её иждивенкой. Никто не смотрел на шрам с безразличностью. Учителя жалели тихую сироту, а одноклассники просто не замечали. Возвращение домой было пыткой. После уроков начиналась вторая смена — работа по дому. Стирка. Огромный таз, синяя от хлорки холодная вода и шершавая доска, обдирающая кожу на костяшках пальцев. Зимой пальцы немели так сильно, что она не чувствовала их. Затем уборка. Мытье полов во всей квартире, протирание пыли с многочисленных полок тётки Мэй, которые ломались от дешёвого фарфора и сувениров, привезённых дядей из командировок. К вечеру она валилась с ног от усталости. Спина болела нещадно. Шрам на ключице пульсировал тупой болью, напоминая о катастрофе. Она падала на свою раскладушку, но сон не шёл. Она лежала в темноте, слушая звуки чужой жизни за стеной: смех Линь Мина, работающий телевизор, скрип кровати дяди и тётки. Внутренний монолог стал её единственной отдушиной, диалогом с самой собой в абсолютной тишине. > «Я стала тенью в этом доме», — думала она, глядя в темноту. «Я научилась ходить бесшумно, чтобы не раздражать их. Я смотрю на свой шрам в зеркало и ненавижу его. Но ещё больше я ненавижу себя за то, что позволяю им так со мной обращаться». Но глубоко внутри этой ненависти к себе росло что-то другое. Маленькое, твёрдое и холодное, как льдинка. Обида. А за обидой пряталась искра гнева. Искра, которая не давала ей окончательно угаснуть. Однажды эта искра должна была вспыхнуть пожаром. И этот пожар сожжёт всё дотла.

Глава 5. Планирование

Искра гнева, тлевшая внутри Линь Инь, наконец разгорелась в холодное, обжигающее пламя решимости. Это случилось не из-за очередного удара или унижения. Это произошло из-за пустяка. Тётя Мэй решила навести порядок в «её» углу комнаты. Она бесцеремонно вытряхнула содержимое старого рюкзака Линь Инь — единственного предмета, оставшегося от прошлой жизни, — прямо на пол. Среди тетрадок и сломанных карандашей выпала маленькая деревянная шкатулка. Отец сделал её для мамы, чтобы хранить кольца. Тётя Мэй подняла её, повертела в руках, сморщив нос. — Хлам, — констатировала она и швырнула шкатулку в мусорное ведро. Для других это была просто коробочка. Для Линь Инь это был последний осколок тепла, последнее прикосновение отцовских рук. Что-то оборвалось внутри. Страх перед побоями, перед голодом, перед всем этим адом вдруг показался мелким и ничтожным по сравнению с потерей этого воспоминания. В тот момент она поняла: она здесь умирает. Медленно, день за днём. И если она ничего не сделает, то скоро от неё останется лишь пустая оболочка, такая же серая, как стены этого дома. План созрел в её голове за одну ночь, простой и отчаянный. Шанхай. Город огней и возможностей, куда уезжают все, кто хочет забыть прошлое. Она понятия не имела, что там будет делать, но оставаться здесь было равносильно смерти. Ей нужны были деньги. Любые. Дядя выдавал ей несколько юаней в неделю на проезд до школы, хотя она ходила пешком, чтобы сэкономить. Эти монеты стали её сокровищем. Каждый вечер, дождавшись, когда все уснут, она доставала из-под половицы в своей комнате старую жестяную банку из-под чая. Банка была почти пустой. Этого хватит разве что на билет в один конец в общем вагоне, да и то вряд ли. Она начала копить агрессивнее. Перестала обедать в школе, отдавая еду бродячим кошкам. Собирала бутылки на обочине дороги по дороге домой. Однажды она нашла на рынке потерянную купюру в двадцать юаней — целое состояние. Её сердце колотилось так громко, что она боялась упасть в обморок прямо посреди улицы. Она спрятала находку в тайник и всю ночь не могла уснуть, проверяя, на месте ли она. Тайна придавала ей сил. Мысль о том, что где-то под гнилыми досками пола лежит её ключ к свободе, помогала терпеть насмешки Линь Мина и придирки тёти. Она смотрела на них и улыбалась про себя. Они думали, что сломали её. Они ошибались. Она строила. Строила мост из этой тюрьмы. К концу весны банка наполнилась до половины. Сумма всё ещё была смешной для большого города, но это было начало. Это было доказательство того, что её воля сильнее обстоятельств. Она уже видела конечную точку своего пути — сияющие башни Шанхая, возвышающиеся над туманом. Обратный отсчёт начался.

Глава 6. Финальная стычка

День, когда всё рухнуло, начался как обычно. С той лишь разницей, что в воздухе висело предчувствие грозы. Дядя Фу вернулся с завода мрачнее тучи — его лишили премии за бракованную партию деталей. Тётя Мэй поругалась с соседкой из-за места для сушки белья. А Линь Мин проиграл спор однокласснику и теперь искал, на ком выместить злобу. Линь Инь старалась быть невидимкой. Она молча драила полы на кухне, опустив голову так низко, что волосы закрывали лицо. Её банка под половицей была почти полной. Ещё две недели. Максимум три. У неё уже был план: уйти ночью, сесть на поезд до Шанхая, а там... там будет видно. Главное — оказаться подальше отсюда. — Эй, сиротка! — голос Линь Мина раздался прямо над ухом. Она вздрогнула, но не обернулась, продолжая тереть одно и то же пятно на линолеуме. — Я к тебе обращаюсь! Ты оглохла от усердия? Он схватил её за косу и резко дёрнул назад. Голова запрокинулась, шея хрустнула. Боль была острой, мгновенной. — Отпусти, — беззвучно прошептала она, чувствуя, как глаза наполняются слезами бессилия. — Что ты там бормочешь? Говори громче! В этот момент дверь кухни распахнулась. На пороге стоял дядя Фу. Его взгляд, тяжёлый и мутный после вчерашней выпивки с коллегами, скользнул по дочери, затем остановился на руках сына, сжимающих волосы Линь Инь. — Прекрати, — бросил он безразлично. — Не видишь, занята человек. Иди лучше вынеси мусор. Линь Мин фыркнул, отпустил её косу и толкнул плечом, проходя мимо. Девочка пошатнулась, но удержала равновесие, вцепившись в ручку ведра с грязной водой. Когда шаги кузена стихли, дядя повернулся к ней. — Деньги где? — спросил он тихо, но в этой тишине было больше угрозы, чем в любом крике. Сердце Линь Инь пропустило удар и ухнуло куда-то в пятки. Кровь отхлынула от лица. — Какие деньги, дядя? — прошелестела она губами. — Не прикидывайся дурочкой. Те, что ты прячешь. Я видел банку. Под полом. Думала, я слепой? Или глупый? Он сделал шаг вперёд, нависая над ней. Запах дешёвого табака и пота окутал её душливым облаком. — Это мои сбережения... На будущее, — выдохнула она, сама удивляясь своей смелости. — Будущее? — он хрипло рассмеялся. — Твоё будущее здесь. Мы тебя кормим, поим, одеваем. А ты ворует у нас? В моём доме?! Последняя фраза прозвучала как приговор. Он схватил её за локоть железной хваткой и поволок из кухни в коридор. Линь Инь упиралась босыми ногами, оставляя мокрые следы на полу, но это было бесполезно. Он швырнул её в комнату, к тому самому углу, где стояла её раскладушка. — Где?! — рявкнул он, опрокидывая матрас, сбрасывая на пол стопку её старых учебников. Дрожащими руками она указала на половицу. Дядя упал на колени, просунул пальцы в щель и одним резким движением выдрал доску. Банка из-под чая со звоном упала ему в руки. Тишина, последовавшая за этим звуком, была страшнее любого крика. Дядя Чэнь медленно открыл крышку. Внутри тускло поблескивали монеты и несколько помятых купюр. Он высыпал содержимое на ладонь и пересчитал. Сумма была небольшой, но для него это были «грязные», спрятанные деньги. — Ах ты дрянь неблагодарная... — процедил он сквозь зубы. В этот момент в дверях появился Линь Мин. Услышав шум, он пришёл посмотреть на бесплатное представление. Его глаза алчно блеснули при виде денег. — Так вот почему она такая дерзкая стала, — протянул он. — Богачка нашлась. Это стало последней каплей. Ярость, копившаяся годами унижений, голода и боли, прорвала плотину страха. Линь Инь вскочила на ноги. — Они мои! Мои! Вы забрали у меня всё! Родителей! Дом! Имя! Оставьте мне хотя бы это! — крик вырвался из горла хриплым, каркающим звуком, но это был именно *крик*. Впервые за много лет она кричала. Реакция была мгновенной. Лицо дяди исказилось от бешенства. Он отбросил банку и схватился за ремень. Тяжёлая кожаная пряжка со свистом рассекла воздух. Удар обжёг спину через тонкое платье. Второй пришёлся по ногам. Она упала, пытаясь закрыть голову руками. Ремень опускался снова и снова, оставляя жгучие полосы. Но физическая боль была ничем по сравнению с тем, что происходило рядом. Линь Мин. Он не пытался помочь или

остановить отца. Он смеялся. Громко, визгливо, пританцовывая на месте от восторга.— Получай! Получай! — выкрикивал он в такт ударам. — Нищенка! Воришка! Каждый его смешок вонзался в душу глубже, чем пряжка ремня. Это было окончательное предательство. Человек, который должен был быть ей братом, получал удовольствие от её мучений. Слезы ярости обожгли глаза. Хватит. Больше никогда. Никогда она не позволит им видеть свою слабость. Когда удары прекратились, она лежала на полу, сжавшись в комок, тяжело дыша. Спина горела огнём. Дядя Фу, тяжело сопя, застегнул ремень и сгрёб рассыпанные деньги себе в карман.— Чтобы духу твоего здесь не было завтра к утру, — бросил он напоследок. — Пойдёшь в полицию? Расскажешь, как воровала? Посмотрим, кому поверят. Мне, уважаемому человеку, или бродяжке-сироте. Они ушли, оставив дверь открытой. Линь Инь пролежала ещё минут десять, слушая, как стучит кровь в висках. Затем медленно, преодолевая боль во всём теле, поднялась. Она доковыляла до раскладушки и вытащила свой старый рюкзак — тот самый, с которым её выписали из больницы. Руки дрожали, когда она начала собирать вещи. Немного одежды, зубная щетка... Взгляд упал на пол. Там, среди пыли и щепок от сломанной доски, валялась деревянная шкатулка. Та самая, которую выбросила тётя. Шкатулка раскрылась от удара об пол, внутри ничего не было, но само дерево хранило тепло прикосновений отца. Линь Инь подобрала её. Провела пальцем по гладкой крышке. Это был знак. Последний привет из прошлой жизни. Она положила шкатулку в рюкзак. Затем подошла к столу, достала из ящика огрызок карандаша и вырвала листок из тетради по математике. Кривыми буквами она написала всего одну фразу: «Я верну долг». Она оставила записку на столе, придавив её пустой банкой из-под чая. Пусть думают, что хотят. Ей было всё равно. Ночь укрыла деревню черным покрывалом. Линь Инь выскользнула из дома через окно туалета на первом этаже, чтобы не скрипеть входной дверью. Босые ноги ступили на холодную землю. Впереди была дорога, полная опасностей и неизвестности. Но впервые за долгие годы воздух казался ей сладким. Она дышала свободой. Обратный отсчёт закончился. Началось бегство.

Глава 7. Побег

Дорога до города заняла почти весь остаток ночи и утро следующего дня. Линь Инь поймала попутный грузовик, водитель которого согласился подбросить её за часть сэкономленных денег. Всю дорогу она просидела молча, забившись в угол кабины, глядя на то, как унылые пейзажи родной провинции сменяются сначала полями, а затем предместьями мегаполиса. Шанхай встретил её не ласковым рассветом, а липкой духотой начинающегося дня и запахом раскаленного асфальта. Водитель высадил её у огромного транспортного узла — Южного вокзала. Это было сердце гигантского механизма, пульсирующее в ритме миллионов шагов. Люди текли сплошным потоком: с огромными чемоданами, с детьми на руках, с рюкзаками за спиной, такие же потерянные провинциалы, как и она сама. Линь Инь стояла посреди этого хаоса, сжимая свой потрёпанный рюкзак, и чувствовала себя невидимой. Никто не обращал на неё внимания. Здесь никому не было дела до того, откуда ты приехал и почему у тебя такой испуганный вид. Это одновременно пугало и дарило странное чувство свободы. Она была никем. Пылинкой в океане. Первые двое суток стали проверкой на прочность, к которой она оказалась совершенно не готова. Ночёвки на жестких скамейках зала ожидания превратились в пытку холодом и постоянным страхом перед обходом полиции. Голод стал её вечным спутником. Запах жареной лапши и пельменей из сотен уличных кафе сводил с ума, но денег оставалось катастрофически мало. Каждый юань был на счету. Её обманули при обмене крупной купюры в сомнительной будке возле метро, подсунув фальшивые деньги, которые отказались принимать в столовой. Мир большого города оказался жестоким и безжалостным к тем, у кого нет связей и крыши над головой. На третий день отчаяние начало подбираться к горлу. Рюкзак казался неподъёмным, ноги гудели от бесконечной ходьбы по бетонным джунглям в поисках работы или хотя бы места для сна. Она уже была готова сесть прямо на грязную плитку пола и заплакать, когда желудок свело особенно болезненным спазмом. Именно тогда она увидела вывеску. «Золотой Дракон». Кафе располагалось в подвале старого жилого дома в одном из бесчисленных спальных районов. Вывеска выцвела, а ступеньки, ведущие вниз, были скользкими от грязи. Но оттуда пахло едой. Настоящей горячей едой. Внутри было душно и тесно. За стойкой стоял пожилой мужчина с седыми усами — Лао Чжан. Он окинул вошедшую Линь Инь оценивающим взглядом: грязные кеды, слишком большая куртка, бледное лицо с огромными, уставшими глазами. — Что нужно? — буркнул он без тени приветливости. У Линь Инь перехватило дыхание. Она не могла говорить вслух после стольких лет молчания. Судорожно порывшись в кармане, она вытащила помятую бумажку. На ней корявыми иероглифами было написано всего одно предложение, которое она выводила полночи: «Я буду работать за еду и угол для сна». Несколько секунд висела тишина, нарушаемая лишь шипением масла во фритюре. Лао Чжан молчал, изучая её записку, затем перевел взгляд на её шрам, выглядывающий из-под ворота. Девочка инстинктивно поправила воротник, готовясь к брезгливой гримасе. Но старик лишь хмыкнул. — Угол будет вон там, за кухней, где свалены коробки. Там есть старый матрас. Жрать будешь то же, что и мы, остатки со смены. Работать начнешь сейчас. Мой полы, протирай столы. Твоя смена с шести утра до закрытия. Опоздаешь — вылетишь. Поняла? Линь Инь быстро закивала так интенсивно, что казалось, голова вот-вот оторвется. Слезы облегчения обожгли глаза, но она сморгнула их, боясь спугнуть этот шанс. — Как звать-то тебя, сирота? — спросил Лао Чжан, доставая тряпку и ведро. — Линь Инь, — прошептала она голосом, который давно не использовала. — Ну что ж, Линь Инь, добро пожаловать в Шанхай, — проворчал старик, толкая к ней ведро. — Вода в кране. Ползи давай, принцесса. У нас тут не дворец. Она схватила тряпку дрожащими руками. Ей дали работу. Еду. Место для сна. Впервые за долгое время будущее перестало быть чёрной дырой. Оно всё ещё было туманным и полным опасно-

стей, но теперь у неё появилась точка опоры. Маленькая, шаткая, но своя собственная. И она собиралась держаться за неё изо всех сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.